2. Национализация и мобилизация экономики

«Огрубение» затронуло и экономические отношения. В октябре 1917 г. после трех с половиной лет войны и восьми месяцев революции экономика страны находилась в руинах. Из-под контроля большевиков вышли наиболее богатые районы: Украина, Прибалтика, Поволжье, Западная Сибирь. Экономические связи между городом и деревней уже давно были прерваны. Забастовки и локауты предпринимателей довершили разложение экономики, порожденное войной. Окончательно отказавшись от опыта рабочего самоуправления, обреченного на провал в условиях экономической катастрофы, большевики предприняли ряд чрезвычайных мер. Некоторые были поспешными, но в основном они демонстрировали авторитарный, нейтралистский государственный подход к экономике. В советской истории совокупность этих мер получила название «военного коммунизма». В октябре 1921 г. Ленин писал: «В начале 1918... мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению».

Тот «коммунизм», который, по Марксу, должен был быстро привести к исчезновению государства, наоборот, удивительным образом гипертрофировал государственный контроль над всеми сферами экономики. После национализации торгового флота (23 января) и внешней торговли (22 апреля) правительство 28 июня 1918 г.

приступило к общей национализации всех предприятий с капиталом свыше 500 тыс. рублей. Сразу после создания в декабре 1917 г. ВСНХ он занялся национализацией, но сначала экспроприации проходили беспорядочно, по инициативе на местах и чаще всего как репрессивная мера против предпринимателей, пытавшихся сопротивляться злоупотреблениям рабочего контроля. Декрет от 28 июня был неподготовленной и конъюнктурной мерой, его приняли в спешке, чтобы уйти от выполнения одного из пунктов Брест-литовского договора, гласящего, что начиная с 1 июля 1918 г. любое предприятие, изъятое у подданных Германии, будет возвращено им в том случае, если это имущество не было уже экспроприровано государством или местными властями. Такая уловка с национализацией («идушая по заранее разработанному плану», как было телеграфировано советскому послу в Берлине, чтобы придать декрету больше убедительности в глазах немцев) позволила советскому правительству заменить передачу сотен заводов «справедливой компенсацией». К 1 октября 1919 г. было национализировано 2500 предприятий. В ноябре 1920 г. вышел декрет, распространивший национализацию на все «предприятия с числом рабочих более десяти или более пяти, но использующих механический двигатель», которых оказалось около 37 тыс. Из них 30 тыс. не фигурировали в основных списках ВСНХ, их национализация не дошла даже до переписи.

Подобно декрету от 28 июня 1918 г. о национализации, постановление от 13 мая 1918 г., дающее широкие полномочия Народному комиссариату по продовольствию (Наркомпрод), обычно считается актом, с которого началась политика «военного коммунизма». В нем государство провозгласило себя главным распределителем, еще до того, как стало главным производителем. В экономике, где распределительные связи были подорваны как на уровне средств производства (резкое ухудшение состояния транспорта, особенно железнодорожного), так и на уровне причинно-следственных отношений (отсутствие промышленных товаров не побуждало крестьян сбывать свою продукцию), жизненно важной проблемой стало обеспечение поставок и распределение продуктов, в особенности зерна. Перед большевиками встала дилемма: восстановить подобие рынка в условиях разваливающейся экономики или прибегнуть к принудительным мерам. Они выбрали второе, так как были уверены, что усиление классовых борьбы в деревне решит проблему снабжения продовольствием города и армии. 11 июня 1918 г. были созданы комитеты крестьянской бедноты (комбеды), которые в период разрыва между большевиками и левыми эсерами (еще контролировавшими значительное число сельских Советов) должны были стать «второй властью» и изъять излишки сельскохозяйственной продукции у зажиточных крестьян. В целях «стимулирования» бедных крестьян (определенных как «крестьяне, не использующие наемную рабочую силу и не имеющие излишков») предполагалось, что часть изымаемых продуктов будет поступать членам этих комитетов. Их действия должны были поддерживаться частями «продовольственной армии» (продармии), состоящими из рабочих и большевиков-активистов. В конце июля 1918 г. в продармии было 12 тыс. человек (затем их число увеличилось до 80 тыс.). Из них добрую половину составляли безработные петроградские рабочие, которых «заманили» приличной зарплатой (150 руб.) и в особенности оплатой натурой пропорционально количеству конфискованных продуктов. После роспуска этих отрядов в конце гражданской войны многие из участников этой кампании попали в административный и партийный аппараты, и мало кто из них вернулся на заводы.

Создание комбедов свидетельствовало о полном незнании большевиками крестьянской психологии. Они представляли, согласно примитивной марксистской схеме, что крестьяне были разделены на антагонистические классы кулаков, середняков, бедняков и батраков. На самом деле крестьянство прежде всего было едино в противостоянии городу как внешнему миру. Когда пришло время сдавать «излишки», в полной мере проявились общинный и уравнилельный рефлекс деревенского схода: вместо того чтобы возложить груз поборов только на зажиточных крестьян, его распределяли более или менее равномерно, в зависимости от возможностей каждого. От этого пострадала масса середняков. Возникло общее недовольство: во многих районах вспыхнули бунты; на «продовольственную армию» устраивались засады — надвигалась настоящая партизанская война. 16 августа 1918 г. Ленин отправил телеграмму всем местным властям, где призывал их «прекратить преследовать середня-

ка». Кампания по продразверстке летом 1918 г. закончилась неудачей: было собрано всего 13 млн. пудов зерна вместо 144 млн., как было запланировано.

Тем не менее это не помешало властям продолжить политику продразверстки до весны 1921 г. Декретом от 21 ноября 1918 г. устанавливалась монополия государства на внутреннюю торговлю. Уже с начала года многие магазины были «муниципализированы» местными властями, часто по просьбе граждан, раздраженных до предела недостатком продуктов и ростом цен, причина которых виделась им в действиях «спекулянтов» и «перекупщиков». В ноябре 1918 г. комитеты были распущены и поглощены вновь избранными сельскими Советами. Власти обвинили комбеды в малоэффективности и нагнетании «напряженности» в крестьянской среде, в то время как новый режим нуждался в установлении *modus Vivendi* со всем крестьянством, поскольку оно поставляло большую часть солдат для Красной Армии.

С 1 января 1919 г. беспорядочные поиски излишков были заменены централизованной и плановой системой продразверстки. Каждая область, уезд, волость, каждая крестьянская община должны были сдать государству заранее установленное количество зерна и других продуктов, в зависимости от предполагаемого урожая (определяемого весьма приблизительно, по данным предвоенных лет, так как только за эти годы имела более или менее правдоподобная статистика). Кроме зерна, сдавались картофель, мед, яйца, масло, масличные культуры, мясо, сметана, молоко. Каждая крестьянская община отвечала за свои поставки. И только когда вся деревня их выполняла, власти выдавали квитанции, дающие право на приобретение промышленных товаров, причем в количестве намного меньшем, чем требовалось (в конце 1920 г. нужда в промышленных товарах удовлетворялась на 15 — 20%). Ассортимент ограничивался немногими товарами первой необходимости: ткани, сахар, соль, спички, табак, стекло, керосин, изредка инструменты. Особенно ощущался недостаток сельскохозяйственного инвентаря. Что касается оплаты продразверстки девальвированными деньгами (к 1 октября 1920 г. рубль потерял 95% своей стоимости по отношению к золотому рублю), то это, естественно, крестьян не удовлетворяло. На продразверстку и дефицит товаров крестьяне отреагировали сокращением посевных площадей (на 35 — 60% в зависимости от района) и возвращением к натуральному хозяйству.

Государство поощряло создание бедняками коллективных хозяйств (в октябре 1920 г. их было 15 тыс. и они объединяли 800 тыс. крестьян) с помощью государственного фонда. Этим коллективным хозяйствам было дано право продавать государству свои излишки, но они были так слабы (коллективное хозяйство располагало в среднем 75 десятинами пахотной земли, обрабатываемой примерно полусотней человек), а их техника так примитивна (это отчасти объяснялось смехотворными ценами, которые государство установило на продукцию сельского хозяйства), что эти коллективные хозяйства не могли произвести значительное количество излишков. Только некоторые совхозы, организованные на базе бывших поместий, обеспечивали серьезный вклад в поставки первостепенной важности (предназначенные для армии). К концу 1919 г. в стране насчитывалось всего несколько сотен совхозов.

Продразверстка, восстановив против себя крестьянство, в то же время не удовлетворила и горожан. В 1919 г. по плану предполагалось изъять 260 млн. пудов зерна, но с большим трудом было собрано только 100 млн. (38,5%). В 1920 г. план был выполнен всего на 34%. Горожан поделили на пять категорий, от рабочих «горячих профессий» и солдат до иждивенцев, учитывалось и социальное происхождение. Из-за недостатка продуктов даже самые обеспеченные получали лишь четверть предусмотренного рациона. На полфунта хлеба в день, фунт сахара в месяц, полфунта жиров и четыре фунта селедки (такова была в марте 1919 г. норма петроградского рабочего «горячего цеха») прожить было невыносимо. «Иждивенцы», интеллигенты и «бывшие» снабжались продуктами в последнюю очередь, а часто и вовсе ничего не получали. Помимо того, что система обеспечения продовольствием была несправедливой, она к тому же была чрезвычайно запутанной. В Петрограде существовало по меньшей мере 33 вида карточек со сроком годности не более месяца!

В таких условиях расцветал «черный рынок». Правительство тщетно пыталось законодательно бороться с мешочниками. Им было запрещено передвигаться на поездах. Местные власти и силы охраны порядка получили приказ арестовывать любого

человека с «подозрительным» мешком. Весной 1918 г. забастовали рабочие многих петроградских заводов. Они требовали разрешения на свободный провоз мешков «до полутора пудов» (24 кг). Этот факт свидетельствовал о том, что не одни крестьяне приезжали тайком продавать свои излишки, не отставали от них и рабочие, имеющие родных в деревне. Все были заняты поисками продуктов. Участились самовольные уходы с работы (в мае 1920 г. прогуливали 50% рабочих московских заводов). Рабочие бросали работу и по мере возможности возвращались в деревню. Правительство противопоставило этому ряд мер, символизовавших «новое мышление»: введение знаменитых субботников (коммунистических суббот) — «добровольный» труд в выходные дни, начатый членами партии, а затем ставший обязательным для всех. Были приняты такие принудительные меры, как введение трудовой книжки (июнь 1919 г.) с целью уменьшить текучесть рабочей силы и «всеобщая трудовая повинность», обязательная для всех граждан от 16 до 50 лет (10 апреля 1919 г.). Самым экстремистским способом вербовки трудящихся было предложение превратить Красную Армию в «трудовую армию» и милитаризовать железные дороги. Эти проекты были выдвинуты Троцким и поддержаны Лениным. В районах, находившихся во время гражданской войны под непосредственным контролем Троцкого, предпринимались попытки осуществить эти планы: на Украине были военизированы железные дороги, а любая забастовка расценивалась как предательство. После победы над Колчаком 3-я Уральская армия стала 15 января 1920 г. Первой Революционной Трудовой армией. В апреле в Казани была создана Вторая Революционная Трудовая армия. Результаты оказались удручающими: солдаты-крестьяне были совершенно неквалифицированной рабочей силой, они спешили вернуться домой и вовсе не горели желанием работать. Железнодорожников, привыкших к тому, что их права защищает профсоюз, приводила в ярость необходимость подчиняться военным. «Военный коммунизм», рожденный марксистскими догмами в условиях экономического краха и навязанный стране, уставшей от войны и революции, оказался полностью несостоятельным. Но в дальнейшем его «политическим завоеваниям» была уготована долгая жизнь.